

Анастасия ВЕРТИНСКАЯ: Я не Ассоль, а нормальная женщина

Беседовала
Евгения Ульченко

Ее часто называют «дочь великого шансонье», хотя сама она — знаменитая, немыслимо очарованная актриса. Наше время скупится на романтические роли, и Анастасия Вертинская мало снимается в кино, ушла из театра. Она возглавляет Благотворительный фонд русских актеров, реставрирует голос отца, выпускает его альбомы и издает книги. Она живет затворницей и по-прежнему не любит общаться с журналистами, но для наших читателей согласилась дать интервью.

— Ваш первый фильм — «Алые паруса», одна из самых красивых киносказок. Потом был «Человек-амфибия» и роль прекрасной Гуттире... А в жизни вы похожи на своих романтических героинь?

— Я снималась в этих двух картинах, когда даже еще не была студенткой театрального института. Фильмы принесли мне популярность, но я не отнющу сыгранные в них роли к своим заслугам. Как актриса я состоялась все-таки позднее — в фильме «Гамлет». «Алые паруса» и «Человек-амфибия» — фильмы-грезы. Но это вовсе не означает, что я в жизни являюсь такой грезой. Я не Ассоль, а абсолютно нормальный человек. И никаких алых парусов никогда не ждала, тем более принцев под этими самыми парусами.

— Тогда какие из ваших героинь вам наиболее близки?

— Самая любимая — это Офелия в «Гамлете», мне кажется, что я на нее похожа и у нас много общего. Потом — Мона в «Безымянной звезде». Из театральных героинь — Нина Заречная в «Чайке» и Эльмира в «Тартюфе». Меня привлекают сложные образы. Мона — она многогранная. В ней есть и какая-то беспомощность, и никчемность, и драматизм... Я вообще люблю сложность как знак искусства. И не люблю примитивную игру актеров и постоянно ясных людей. И режиссура мне нравится не просто эмоциональная, а та, которая дает питание и уму, и сердцу, и душе, заставляет задуматься, в чем-то усомниться, вызывает рефлексию.

— Вы играли у Эфроса, снимались у Козинцева. Это очень высокая планка. Вас не видно в постперестроечном кино потому, что нет достойных предложений?

— Конечно, после работы с такими корифеями невозможно серьезно воспринимать режиссеров, которые мало чего понимают в своем деле. Я считаю Эфроса гением. Больше, по-моему, гениев нет. Но проблема не столько в отсутствии нормальной режиссуры. Нет картин. Уровень предлагаемых мне ролей — как бы мягче сказать — очень специфичен. Например, мне сейчас предлагают сыграть маму киллера. Понимаете? Ролей пока нет, а может, и не будет вовсе. Но я совершенно не грущу по этому поводу, потому что совсем не обязательно умирать на сцене или съёмочной площадке. При этом не могу сказать, что ушла из профессии. Что мне предложили какую-то замечательную роль, а я взяла и почему-то отказалась. Такого не было. У меня ведь и раньше случались огромные перемены. Когда время требовало других героинь — крепких, румяных и веселых активисток.

— В театре сейчас тоже нет для вас ролей? Вы играли в «Современнике» и во МХАТе, Театре Вахтангова, Театре на Малой Бронной, Театре Пушкина...

— Это действительно неслабые театры, но дело в том, что

я категорически не смогу больше шагнуть в структуру, которая называется коллектив. Для меня театр — это и безумное пристрастие, и мои лучшие годы. Но все, что называлось советским театром, я возненавидела на всю оставшуюся жизнь. Понимаете, рано или поздно наступает день и час, когда ты не хочешь, чтобы тебя равняли под одну гребенку со всеми.

— Наверное, вы все же бываете и в театре, и в кино как зритель. Что-нибудь нравится?

— Нравится, и многое. Я даже не так давно сделала антрепризу «Имаго» с режиссером Ниной Чусовой. Я не хочу говорить про репертуарный театр дурных слов. Дай бог ему жизни, но это как бы бег на месте. Мне кажется, что пришло время антрепризы и театра на контрактной основе. Как на Западе. Что касается кино, то, на мой личный взгляд, оно делает в последнее время какие-то шаги.

— После ухода из МХАТа вы не переживали, что некоторое время вас никто не увидит на сцене?

— Как ни странно, это вечное, изматывающее актерское беспокойство наконец оставило меня. Я ощутила свою свободу как некую новую жизнь. Судьба сделала мне подарок — я стала преподавать в Оксфорде актерское мастерство. Потом вместе с Калитиным мы работали в Швейцарии, в Европейской кинематографической школе, а затем во Франции.

— Примерно в это же время у вас был цикл телепередач на первом канале — «Другие берега». Почему программа была закрыта и не хотите ли вы ее возобновить?

— Героини передач были женщина-тореадор, или католический священник Жак Гайо, или кто-нибудь еще — не звезды, а уникальные люди. Потому что меньше всего мне хотелось разговаривать с кинознаменитостями. Разговаривать их на какую-то тему практически невозможно. Душу они вам не раскроют. Мне интересны люди с незаурядными судьбами, которые мыслят не так, как все. Моя программа показывала зрителям, что есть не только попытки отгадать четвертую букву в слове «мама», но и другие берега... сознания. Она была не для всех. Да и стоила немалых денег, потому и закрыли. Как дорогостоящий и не вполне окупаемый проект.

— А почему не вышел на экраны фильм Юрия Кары «Мастер и Маргарита», в котором вы сыграли Маргариту? Это ведь последняя ваша крупная кинороль?

— Там снялись многие наши звезды: Гафт играет Воланда, Ульянов — Понтия Пилата, Филиппенко — Коровьев... Но вопрос «Почему фильм не вышел?» — к Михаилу Афанасьевичу Булгакову. Мессир, как теперь видим, не выносит ни фильмов, ни театральных постановок. И вообще электрического света. Хотя если рукописи не горят... — Вы с Марианной были самыми стильными и модными

ЕВГЕНИЙ ШЕПКО

девушками столицы. Ваша внешность помогала вам в выбранной профессии?

— Все-таки нельзя отрицать, что на роли в первых моих фильмах меня утверждали из-за внешности. Но потом я старалась, чтобы мне присвоили не просто титул красивой женщины, а актрисы.

— В 15 лет у вас уже были толпы поклонников. Чем была для вас слава и как вы теперь относитесь к собственной популярности?

— Тот период, когда у меня были толпы поклонников, назывался советским. Я не могла нанять себе телохранителя или белую машину с тонированными стеклами, чтобы ездить на работу. Ездил я в театральный институт на троллейбусе, ходила среди всех. И не было никакой возможности отгородиться от той истерии, которая около меня продолжалась долгие годы. Будучи не готовой к такой форме жизни, я была страшно травмирована. До сих пор боюсь толпы.

— Почему вы редко посещаете светские мероприятия?

— Я избегаю всевозможных тусовок, где дикое количество народа находится в ажиотаже встречи друг с другом. И подбегает ко мне корреспондент со вспышкой вызывает меня столбняк. Я избегаю всего и всех. Потому что все это разрушает мою жизнь, мой мир. Мне этого не надо.

— На личной вашей жизни слава, красота и талант как-то отразились? Были у вас проблемы с выбором избранника и какие качества в мужчинах вы цените прежде всего?

— Чем дольше я живу, тем больше прихожу к выводу, что

мало разбираюсь в мужчинах. Мне кажется, что я не очень понимаю этот род человечества. У меня по жизни в основном контакты с женщинами. Много подруг и почти нет друзей. Сказать, что вот таких-то мужчин я люблю, а таких-то не слышу, я не могу. Приоритетов ума или мускулов нет. Я люблю людей интеллигентных и, что совершенно точно, терпеть не могу жлобов. Вообще у меня в жизни два любимых мужчины — это мой отец и мой сын. И эти два кумира в достаточной степени заполняют всю мою потребность в мужчинах.

— А какие они — ваши подруги и что вы цените в женщинах?

— Как и во всех людях, больше всего ум. Женщины по природе своей вообще мудрее. Если говорить о подругах, то все они интеллигентные и добрые. Немаловажная вещь в дружбе, чтобы тебя никогда не предавали. Надежность человеческая для меня очень важна. Можно сориться, ругаться, обижаться — только предательство недопустимо.

— Кстати, мужские измены для меня неактуальны.

— Ваши мужчины всегда верны вам?

— Ой, что вы... Просто когда я была влюблена в какого-нибудь мужчину, а он кокетничал с другой женщиной, то всегда поворачивалась спиной к этой мизансцене. Приучила себя так делать. Не зря я называю себя римским легионером — не по-женски вела себя в такие минуты. Да, испытывала ревность, но инстинктивно понимала, что, если начну в это вникать, меня затянет. Женщина слаба, она ранима.

И потом, я рано поняла, что брак — не моя стихия. Я — не человек брака.

— Но вы ведь были замужем за Никитой Михалковым. И Александр Градский в своем интервью рассказывал о вашей с ним семейной жизни...

— Я не знаю, что там говорил Градский, надо спросить у него. Только я никогда не была за Сашей официально замужем. А вот Никита был моим мужем, причем очень хорошим. Но двум сильным личностям всегда трудно ужиться вместе. Скорее всего, из-за этого мы и расстались. Наверное, Господь послал мне Никиту, чтобы у меня родился сын. А брак сам по себе — тяжелая ответственность и нагрузка. Это своего рода жертва, аскеза. Когда ты эту аскезу надеваешь, то лишаешь себя чего-то. И безусловно, совершаешь подвиг. Я на этот подвиг не способна. Все очень быстро мне кажется рутинным, неинтересным, скучным. Мне удобнее и комфортнее жить вот так. Чтобы никого рядом не было.

— Вам необходимо одиночество?

— Вы понимаете, есть ряд профессий, которые невозможно представить без уединения. Вот как вы представите себе поэта, живущего без конца на людях? Это невозможно. Когда он будет писать стихи? Нужно уйти от своей Натали, чтобы у тебя появилась Болдинская осень. Хотя бы для того, чтобы ты страдал по этой Натали и свои страдания выливал на бумагу. И потом, наша профессия предполагает в человеке гипертрофированное

«я». И чем больше твое «я», тем ты сильнее как артист. Жить с таким человеком очень трудно...

— А как же быть с любовью?

— Любовь всегда ненадолго, она не может быть вечной. Это прекрасное мгновение, которое нельзя ни остановить, ни задержать. И огромный дар Божий. Счастье, когда тебя окружает любовь, причем совсем не обязательно мужчине.

Рядом со мной близкие люди, и я совершенно счастлива в

Брак сам по себе — тяжелая ответственность и нагрузка. Это своего рода жертва, аскеза. Когда ты эту аскезу надеваешь, то лишаешь себя чего-то. И безусловно, совершаешь подвиг.

личной жизни. И спокойно, потому что не замужем и не волнуюсь из-за того, что в мои шестьдесят муж уйдет от меня к молодой женщине.

— С Никитой Сергеевичем вы как-то общаетесь?

— Было бы смешно, если бы у нас не сохранились хорошие отношения. Это такая пошлость, когда люди, разойдясь, пишут друг про друга книги. Дескать, он подлец, обманул меня, бросил... Мы с Никитой большие друзья. Я знаю, что могу всегда обратиться к нему с любой просьбой.

— Чем на протяжении жизни была для вас ваша семья? Что главное дали вам ваши родители?

— У меня был великий отец, он очень много мне дал. Он был добрым, невероятно широким, любил детей, нико-

гда не бывал мелочным. А еще был очень скромным. Отец очень здорово читал нам сказки, особенно Андерсена. Он испытывал ту же сердобольность к бедным людям... А приезжая с гастролей, рассказывал невероятные истории. Я полагаю, что все доброе, творческое и сердечное в моем характере — от отца, а все тяжелое, зlostное, конфликтное — от жизни.

— Именно отец повлиял на вас сильнее всех?

— Конечно. Отец был настоящим аристократом и, как настоящий аристократ, не гнушался никакой черной работы. Каждое утро он подметал пол, шел в Елисеевский магазин, покупал что-то, готовил завтрак. В нем не было никакого барства. Со мной и Машей он выстраивал отношения как с маленькими женщинами, делал нам комплименты.

— Ревности к сестре у вас не было?

— Я папу страшно ревновала совершенно ко всем, и у меня была просто патологическая ревность к Маше. Теперь, когда я стараюсь проанализировать, почему была такой, понимаю, что это от предчувствия ранней потери.

— Как часто вы сейчас встречаетесь с Марианной и со своей мамой? Чем она сегодня живет?

— Мы общаемся каждый день и с Марианной, и с мамой. У нас очень дружная семья. Хотя живем в разных домах, но связь не теряем. Марианна — актриса Театра им. Вахтангова. Мама недавно выпустила в издательстве «Вагриус» книгу воспоминаний об Александре Николаевиче — «Синяя птица любви». Этим и занималась все последнее время.

— А творческой ревности к успехам друг друга у вас с сестрой не возникает?

— Никогда. Наоборот, Мама всегда просит: «Пойди посмотри, как я сыграла». Ей важно мое мнение. Сейчас вышел фильм «Влюбленные-2», где я оказалась сниматься. И тогда утвердили Марианну. В конце прошлого года я была на премьере и очень порадовалась за Машу.

— А почему вы отказались сниматься в фильме «Влюбленные-2»?

— Я решила, что сочетание кадров из фильма моей ранней молодости и кадров, которые могли быть сняты сегодня, — невыгодно для меня.

— Ваш сын Степан — известный ресторатор. Недавно он открыл ресторан «Вертинский». Вы, конечно, успели там побывать?

— Да, хотя я не частый посетитель ресторанов и люблю домашний образ жизни. Ресторан «Вертинский» посвящен последнему периоду эмиграции моего отца в Шанхай. В ресторане китайский повар и китайская кухня. Он изумительно красиво сделан. Весь интерьер выбран Степаном, и я считаю, что он проявил огромный талант. Мне нравятся и другие рестораны сына: «Снобс» и «Ваниль». Там французская кухня. Хотя моя самая любимая кухня — русская. Но не

— Сложно представить вас в роли бабушки.

— Наверное, я и не совсем нормальная бабушка. Ответственность лежит на нянях и на маме Степиной жены. Да я и не смогла бы, если бы их всех на меня бросили. У меня иногда бывает Саша, но чаще я, конечно, еду к ним на дачу. Самое мое любимое занятие — тискать всех троих одновременно. Другого отдыха в выходные я себе не представляю. Мы часами играем с ними в разные смешные игры. Например, я залезаю под стол и прелебаю в состоянии Багиры. Степан идет мимо: «Мам, ты опять под столом?» А я шепчу: «Я не мама, я — Багира».

— Анастасия Александровна, как и ваши родные, вы занимаетесь благотворительностью. Создали Фонд помощи актерам...

— Папа мой давал шефские концерты. И делал это не по велению Министерства культуры. Дедушка был известным адвокатом в Киеве и вел дела бедных людей бесплатно. Я стараюсь помочь актерам, оказавшимся в тяжелом положении. Это сложно, потому что людям невыгодно перечислять деньги в благотворительные фонды. Но я из последних сил стараюсь свой фонд держать. Ко мне приходят самые разные люди, отдавшие жизнь театру: костюмеры, гримеры, художники. Они находятся за чертой бедности, и я не могу им отказать. Вот, например, есть у нас вдовы артистов Бернеса и Плятта. Мы взяли на себя задачу содержать их архивы, музей-квартиры, потому что Министерство культуры абсолютно равнодушно к этому.

— А кто помогает вам финансово?

— Те, кто сочувствует людям театра. Я никогда не унижусь, чтобы что-то получить для себя. Но для этих людей готова на многое. Пойду к любому банкиру, стерплю отказ, буду пробиваться в любую организацию — пусть меня вежливо примут или невежливо прогонят. Я не считаю это позором, хотя бывает, что настаивает отчаяние...

— А как складываются ваши собственные отношения с деньгами?

— Я к ним равнодушна. Никогда не ставила богатство во главу угла. Мне кажется, что любовь к деньгам относится к порочным страстям. Если начать их сильно-сильно любить, то они станут тебя разрушать. Тогда до бед недалеко. У денег, как у всякой страсти, существует, на мой взгляд, зависимость — обратная связь. И потом я видела очень много счастливых бедных людей. Хотя меня бедность миновала, слава богу. Мой сын все-таки в бизнесе. Я и сама зарабатываю деньги. В его бизнесе есть и моя доля. Конечно, я не ресторатор, а, скорее, кулинар. Степан мечтает, чтобы в его ресторанах появились мои фирменные блюда. Я обожаю готовить, это для меня творческое состояние. Каждый уикенд у нас на даче собираются друзья, гости и я с удовольствием стою у плиты и абсолютно в это время счастлива.

— Помимо семьи, внуков и благотворительного фонда, чем еще вы сегодня занимаетесь?

— Реставрирую голос Александра Николаевича. Потому что с момента, когда он приехал в Советский Союз, его не разрешали записывать в Доме звукозаписи как запрещенного. Я по полдню провожу в студиях. Появились уже четыре альбома фирмы «Богема мюзик». И я горжусь этой работой. Так же как и тем, что недавно переиздала книгу мемуаров отца «Дорогой длинный»...

— Вы выглядите гораздо моложе своих лет. Как вам это удается?

— Знаете, на лице человека отражаются все сожаления, все его пороки. Поэтому лучше всего не быть злым, не гнобить никого, не завидовать и не ревновать... Но я уверена, что то, на сколько лет ты выглядишь, не имеет особого значения вообще-то. Я видела красивые лица старых женщин. Например, Тамара Макарова. Она была потрясающе красива в старости. Лицо ее было благополучно, глаза лучились. Вот это должно стать идеалом для каждого...

— Как, по-вашему: счастье, если человек рождается талантливым?

— Обычно, если Бог дает человеку талант, то этот талант оберегает. Но жизнь сложнее.

Слова

Александр Калитин:
— Анастасия Вертинская — одна из самых тонких и прекрасных актрис нашего времени. Ее красота загадочна и одухотворенна, и сама по себе она подтверждение того, что это тоже талант. Я играл ее мужа Органа в «Тартюфе» — это одна из любимых моих ролей. Тартюфом был Станислав Любшин. Спектакль записан на пленку, и иногда его показывали по телевидению. Мы с Вертинской преподавали вместе за границей. Она очень творческий, порядочный, трудолюбивый и интеллигентный человек. Так совершенно удивительно сложились звезды, гены, обстоятельства...